

РОМАН она писала втайне, запершись в своей комнате. Тайком от родителей ходила в издательство. И только тогда, когда там твердо обещали напечатать, объявила дома, что стала писательницей. Мать сказала: «Не говори глупостей. Лучше поаккуратней причесывайся и не опаздывай к ужину». Отец рассмеялся: «Скажет же!» А потом, когда прочел «Здравствуй, грусть», удивился. «С чего это тебе пришло в голову сочинять подобные истории? Но написано, — признался, — довольно хорошо».

Она и сама не поняла, как случилось, что из вчера еще никому не известной 18-летней парижской студентки мадемуазель Куаре вдруг стала не просто писательницей, а знаменитой Франсуазой Саган.

«Феномен Саган», — поразились французские критики, увенчавшие девушку высшей своей литературной премией. Едва ли не в тот же год «Здравствуй, грусть» читали во всем мире в переводах на 25 языках. А недавно — уже не в первый раз — на вопрос, кто такая Франсуаза Саган, большинство опрошенных простых французов, и особенно молодежь, недоуменно пожимали плечами: «Актриса, кажется, была такая в кино...»

А мне-то казалось, что она знаменита и известна повсюду. Ведь 11 уже романов издала с той поры за двадцать лет Франсуаза Саган. Не считая десятка пьес. Знаменита, но неизвестна. Можно, оказывается, быть и такой. Парадокс. Загадка. Еще один феномен Саган. И не последний. В ней все так естественно просто и так сложно. Как жизнь. Предельно ясно и понятно. Начинать хотя бы с вопроса, кто же она?

И ВОТ в ее квартире, окном в зелень сада Люксембургского дворца, дверь открывает мальчик: «Мама, — кричит, — к тебе пришли!» Она выходит — совсем не та. Правда, ей уже сорок. «Но и в двадцать лет, — говорит, — я была вовсе не такой, какой рисовали меня газеты. В 1954 году, — начинает свой рассказ Саган, усевшись в глубокое мягкое старое-старое свое кресло, — перед публикацией первой книги судьба поставила меня перед выбором: стать скандальной писатель-

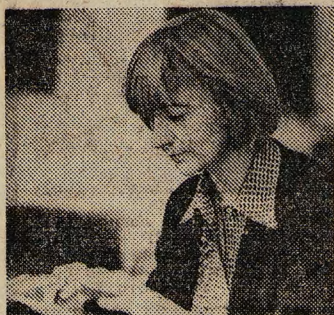
ницей или буржуазной девушкой. Я не была ни той, ни другой. И стала скорее буржуазной писательницей и скандальной девушкой.

Первое потому, что я из буржуазной среды и никакой другой не знала. Второе — из-за того, что откровенная книга о любви, написанная 18-

знаменитость в литературных кругах не стала широкой, всеобщей известностью? Быть может, если бы вы показали ваших героев в труде, в борьбе за свое счастье, за счастье других, вы бы стали ближе широкому читателю, ближе молодежи, дум которой, как вы сами признавались, вы не

НЕНАЙДЕННЫЙ ПРОФИЛЬ

ВСТРЕЧА
ДЛЯ ВАС

летней девушкой из буржуазного общества, недавно вышедшей из монастырских стен, была в то время сенсацией.

— Вы не любите буржуазное общество и все же возвращаетесь только в нем, пишете в основном о его людях, откуда все ваши герои?

— Я выросла в буржуазной среде, знаю ее, пишу о ней, потому что не могу, не хочу писать о том, чего не знаю. Я могла бы, пожалуй, пожив немного среди рабочих, написать роман о жизни тружеников. Но не испытывая никогда нужды, я не имею на это морального права.

Меня часто упрекают еще и в пессимизме, — говорила Саган, — в том, что я даю разочаровывающую картину жизни. Но что поделаешь? К примеру, счастливая, большая любовь не нуждается в нашей помощи. В трудной любви надо разобраться, помочь — вот почему именно ее беру я темой для своих книг.

— Быть может, в этом ваша ошибка и потому-то ваша

выражали даже в восемнадцать лет?

— Я знаю, многие упрекают меня в том, что персонажи моих книг проводят жизнь под стук кусочков льда в стаканах виски и не хотят слышать о проблемах, волнующих современный мир. Меня саму волнует все, что происходит вокруг. Я подписывала петиции против войны во Вьетнаме, выступала за свободу Алжира, за что у двери моей квартиры террористы ОАС взорвали пластиковую бомбу. Есть писатели, которые умеют показать протест своих героев против несправедливости. Я, к сожалению, не из их числа.

— У вас сын. Он скоро станет вашим читателем. Какой вы завет оставите ему? Быть может, ему и его сверстникам будет обращена та ваша самая «главная книга» жизни, которую вы, помнится, собирались писать, уехав от парижской суеты в Ирландию.

— Пока что поездка и «главная книга» откладываются, — печально сказала писательница. — На нее нужно три-четыре года спокойной работы — у меня их нет. Ведь я в долгу у издателя, который оплачивает мои расходы, и за это каждые два года я должна сдать ему новый роман.

Б. ГУРНОВ.
(Наш соб. корр.)

Париж, 5 июля.

Фото автора.